

ДВА РАССКАЗА

Сердечки из красной бумаги

Я увидел ее осенью в парке. Она сидела на лавочке и вырезала сердечки из красной бумаги. На ее лице было такое умиротворение, что я невольно залюбовался. Она не улыбалась, но было похоже, что улыбается или вот-вот улыбнется.

Мне очень захотелось узнать, какие у нее глаза. Но она не смотрела на меня, она не отрывала взгляда от своих маленьких ножниц и вырезала сердечки и складывала их рядом с собой. На лавочке их уже набралась целая куча, а она все резала и резала.

У нее были красивые тонкие пальцы и светлая кожа. Она была похожа на осень: золотистые волосы и сама вся такая легкая, тонкая, как сентябрьская погода.

Девушка-осень, я так ее для себя и назвал: девушка-осень.

Вдруг резко дунул ветер, и все ее сердечки разлетелись по парку. Как стайка красных бабочек, очень красиво. Она побежала их собирать, и я тоже поднял несколько штук с земли.

Неожиданно для меня мгновенный импульс заставил вытащить из кармана ручку и написать на одном из них: «Я люблю тебя». Я спрятал это сердечко между другими и отдал девушке, когда она подошла ко мне. Мы ничего не сказали друг другу. Я заглянул ей в глаза, но так и не успел понять, какого же они цвета. Прежде чем я что-то сообразил, она кивнула мне в знак благодарности и ушла. Когда я опомнился, то увидел только ее спину и как длинный салатовый шарф развивается при ходьбе.

На следующий день я снова зашел в этот парк. Но скамейка была пуста. Я грустно присел на самый край и уперся подбородком в ладони: потерял! Потерял навсегда.

На скамейке лежало сердечко. Я бережно взял его в руки и увидел, что на нем была надпись. Еще не успев прочесть, я подскочил на ноги так, что всех голубей в парке распугал. Красивым круглым почерком: «Я буду возле фонтана». Какого фонтана? В нашем городе десятки фонтанов! Куда мне бежать? И как долго она там будет? И сколько тут лежит эта записка? Может, еще со вчера? Тогда я пропал!

Я понесся наугад, к ближайшему фонтану, который вспомнил. По пути залетел в магазин и купил бумагу и ножницы – если ее не найду, на всех фонтанах расклею сердечки!

Но мне повезло, я ее нашел. Она сидела на бортике у воды и читала книжку.

...Когда я ее увидел снова, у меня дар речи пропал. Но я нашел выход: сделал из бумаги кораблик, написал на сердечке «Привет» и отправил ей по

воде. Она сразу заметила, когда он начал биться о бортик возле нее. Подняла, прочитала и стала искать меня взглядом. Когда, наконец, увидела, улыбнулась. Что это была за улыбка! Я был готов умереть в ту же секунду. Но мое сердце бешено колотилось и не смогло бы остановиться тогда, даже если б от этого зависела судьба всей планеты: мне было все равно, я видел только ее.

Она достала из книжки бумажное сердечко, написала на нем что-то и положила на бортик, а сама отошла.

Я прочитал: «Спасибо, что ты меня нашел» и ответил: «Я бы нашел тебя в любом случае».

Так мы с ней играли весь день, писали друг другу записки и не подошли друг к другу ближе, чем на несколько метров. Точно так же признались друг другу в любви и сердечко со словами: «И я люблю тебя тоже» я спрятал под рубашку к самому сердцу. Ее звали Таня. У нее были карие глаза.

Но однажды она не пришла. Я нашел от нее записку: «Извини, сегодня я не смогу. Давай завтра, здесь в это же время».

Следующего дня я ждал как на иголках, и первым моим вопросом было: «Что случилось?» - «Ничего, мама заболела, надо было навестить». Эта отговорка меня не успокоила: во мне боролись ревность и волнение, но любовь победила, и я не стал ее больше расспрашивать.

На следующий день я не стал писать ей записки. Снова поддавшись импульсу, я просто подошел сзади и нежно обнял. Она резко вырвалась и с ужасом отшатнулась от меня.

- Постой, куда ты? – это были первые слова, которые я сказал ей, - это же я.

Она остановилась и смотрела на меня в нерешительности.

- Таня! Ну, прости дурака, я не хотел тебя испугать. Не бойся!

Она стояла в оцепенении и внимательно смотрела на меня. И молчала.

- Танечка, прости. Ты обиделась? Прости, прости. Я не хотел. Я просто хотел тебя обнять. - Я ненавижу себя за то, что так грубо нарушил наше условное расстояние. Я боялся, что все испортил. – Если хочешь, я уйду. Только скажи мне.

Снова молчание.

У меня упало сердце от этой тишины. Я так и не дождался ответа и уже развернулся, чтобы идти, но еще раз взглянул на ее лицо. Теперь на нем была написана тревога, и она еле заметно покачала головой, показывая, что хочет, чтобы я остался. Я остановился.

- Тогда, можно мне подойти?

Нет ответа.

- Можно мне подойти к тебе? Я хочу тебя обнять.

Таня не отрывала от меня взгляда.

Я не знал, что мне делать, и медленно, не дыша, приблизился к ней. Она не отошла. Аккуратно, глядя в глаза, я положил руки на ее плечи и тихонько притянул к себе. Она не сопротивлялась.

- Скажи, милая, тебе так нравится?

И тут в ее глазах задрожали слезы. Таня неожиданно начала плакать, сначала беззвучно, а потом с какими-то глухими стонами. Я пытался успокоить ее, но чем больше я старался, тем сильнее она плакала. Тогда я просто прижал ее к себе и подождал, пока она успокоится сама.

Я вытер ей слезы и посмотрел в ее раскрасневшиеся глаза. Наши лица оказались очень близко. Таня все еще молчала. Она не могла мне ничего сказать. Я понял. И, наверное, она не могла меня слышать. В ее взгляде я видел страх. Страх маленькой девочки, которая тщательно скрывала свою тайну и боялась, что теперь я оттолкну ее, глухонемую. В этот миг мне сердце защемило от острой любви, и я поцеловал ее в губы.

Больше мы не расставались. Через год мы поженились.

Трамвайное происшествие

На проезжей части в считанные минуты образовалась пробка: посреди улицы громыхнул и застрял старый трамвай. Из открывшейся двери выскочил вагоновожатый и скрылся за передней, невидимой частью вагона.

Движение остановилось. Улицу разрезал многоголосый хор раздраженных клаксонов. Застывший воздух прилип к стеклам и почти сразу стал донимать удушливый запах раскаленного асфальта. объехать злополучный трамвай не было никакой возможности, этому мешали припаркованные вразброс машины. Замигал зеленый свет светофора, но никто не двинулся с места.

Вадим Алексеевич воспользовался ситуацией, чтобы перейти на другую сторону улицы, не доходя до перекрестка. В этот момент он втайне радовался тому, что у него нет машины.

Оказавшись на другой стороне, он случайно заметил, что под колесами трамвая лежит какая-то серая тряпка, а вагоновожатый что-то нервно объясняет по телефону. Нездоровое любопытство потянуло его к месту событий, но, когда Вадим Алексеевич подошел достаточно близко для того, чтобы разглядеть заинтересовавший его предмет, он едва смог сдержать приступ рвоты. Улица внезапно вытянулась и затряслась у него под ногами, но он успел ухватиться руками за столб, чтобы не потерять равновесие. Ему понадобилось несколько минут, чтобы осознать две страшные вещи. Перед ним лежал мертвый человек. А лицо этого человека было точной копией лица самого Вадима Алексеевича.

Вскоре приехала милиция. Тело накрыли черным полиэтиленовым мешком, место происшествия оцепили, а народ разогнали. Вадим Алексеевич

остался в качестве свидетеля. Но ничего полезного сообщить следователю он так и не смог, ведь самой аварии он не видел, но уйти отсюда было просто выше его сил. Вскоре выяснилось, что у погибшего не было с собой никаких документов, и установить его личность так и не удалось. Вадим Алексеевич вызвался сопроводить тело в морг.

Милиция безуспешно пыталась выяснить, кто этот человек. Никаких сведений о покойном не нашлось, родственники не объявились. По завершении юридических формальностей его похоронили на городском кладбище, а дело закрыли. Единственным человеком, который пришел на похороны, был Вадим Алексеевич.

Долгое время он не мог прийти в себя и постоянно размышлял о своем двойнике. Человек ниоткуда, как две капли воды похожий на него самого. Был ли он во всем такой, как Вадим Алексеевич, или же сходство было только внешним? В милиции не нашли никого, кто бы знал его при жизни, поэтому спросить было некого. Сам Вадим Алексеевич, сорока трех лет от роду, был образцовый семьянин, да и друзей у него хватало, поэтому он никак не мог себе представить, как судьба могла обречь человека на полное одиночество. Он пришел к выводу, что он был глубоко несчастен.

Очевидцы говорили, что человек шагнул под трамвай, не обращая на него никакого внимания. Было ли это самоубийство? Или он просто шел, погруженный в мысли, и не заметил приближения собственной смерти? Сам Вадим Алексеевич никогда бы не покончил с собой, но он вполне мог понять выбор покойника, которому было не с кем разделить свою жизнь.

Даже если он не покончил с собой, под трамвай его привело именно одиночество, в этом Вадим Алексеевич больше не сомневался. Почему-то от этой мысли ему каждый раз становилось очень грустно.

Иногда он заговаривал о покойнике с женой и друзьями. Сначала они всячески поддерживали и успокаивали его, но затем их интерес к этой теме иссяк, и возникала неловкая пауза. Вадим Алексеевич все чаще оставался наедине с собой и своими мыслями. Несколько раз он видел своего двойника во сне и долго о чем-то беседовал с ним, но на утро уже не помнил, о чем.

Однажды он отправился на кладбище, чтобы проведать могилу покойного. Минуло как раз сорок дней с момента аварии. Стоял конец сентября и моросил мелкий дождик. Выйдя из офиса, Вадим Алексеевич купил у метро букетик цветов и спросил продавщицу, как ему отсюда добраться до кладбища.

- Плохой это день для кладбища, вон, погода-то какая. Не ходил бы ты, милоч, сегодня. Лучше через недельку отправляйся.

- Через неделю у меня времени не будет. Уеду в командировку.

- Ну, как сам знаешь. Вон остановка, там жди сорок третий трамвай.

- Спасибо, бабушка, - кивнул он и направился к остановке.

Ждать пришлось долго. Вадим Алексеевич успел задремать на остановке и невольно вздрогнул, когда услышал трамвайный звонок. Приехал сорок

третий трамвай. Вагон был почти пустой. Вадим Алексеевич сел и машинально уставился себе под ноги. Тут он с удивлением обнаружил, что пол в одном месте сильно прогнил, и сквозь дырку ему были хорошо видны рельсы, тонущие в асфальте.

«Интересно, - подумал он, - трамваи это все-таки транспорт прошлого или будущего? Что будет с ними, скажем, лет через десять-пятнадцать? У нас то и дело снимают рельсы, заменяя их автобусами. А в Европе, наоборот, они считаются экологически чистым видом транспорта. Да и весело все-таки вот так тарыхтеть через город, возвышаясь над машинами и людьми. Конечно, не в этом конкретно ржавом корыте. Ему уже давно место на свалке.

Когда Вадим Алексеевич вышел на своей остановке, начали собираться сумерки. Дождь еще усилился. Он дотемна бродил среди надгробий, но никак не мог отыскать нужную могилу. «Правда была бабка, что сегодня плохой день для кладбища. Пора носить очки», - недовольно подумал он. Его куртка промокла почти насквозь, поэтому он оставил цветы у ближайшего надгробия, а сам направился к выходу.

Вадиму Алексеевичу было досадно, что он не смог отыскать безымянного креста. Он даже винил себя в том, что человек без имени и друзей, теперь вот словно остался еще и без могилы – последнего и единственного доказательства его жизни.

За этот месяц с небольшим Вадим Алексеевич сам не заметил, что двойник стал важной частью его жизни, и теперь, не найдя его могилы, он как будто вдруг потерял частичку себя. Трамвая он ждать не стал, а пошел через сквер в направлении метро. Вдоль его пути тянулась одинокая безлюдная колея. И впервые за много лет он тоже почувствовал себя одиноким и несчастным.

Внезапно его ослепили фары резко развернувшейся перед ним машины, он отпрянул в сторону, споткнулся о рельс и скорее почувствовал, чем услышал, как сзади на него надвигается что-то очень тяжелое и большое...

На проезжей части в считанные минуты образовалась пробка.